

Л. И. Петрова
(Санкт-Петербург)

БЫЛИНЫ В ЗАПИСИ А. П. ВЕРЕЩАГИНА: КОПИЯ ИЛИ ВАРИАНТ?

Аннотация: В статье Л. И. Петровой рассматриваются фольклорные записи А. П. Верещагина, первым из собирателей (нач. 1850-х) зафиксировавшим эпические тексты на территории Западного Поморья. Сопоставление рукописей А. П. Верещагина, хранящихся в настоящее время в двух разных архивах, позволило автору сделать вывод о наличии в экспедиционной практике этого собирателя повторных записей от одного и того же исполнителя одних и тех же былин.

Ключевые слова: фольклор, былины, А. П. Верещагин, Поморье.

Abstract: In the article of L. I. Petrova folklore records of A. P. Vereshchagin, who was the first of the collectors (in early 1850s) to fix epic texts in the territory of Western Pomorye, are considered. Comparison of manuscripts by A. P. Vereshchagin, currently stored in two different archives, allowed the author to conclude that in the expeditionary practice of this collector there were repeated records from the same performer of the same epic.

Keywords: folklore, byliny, A. P. Vereshchagin, Pomorye.

Первым, кто осуществил записи былин (а также других жанров народного эпоса) на территории Западного Поморья, был родной брат знаменитого художника Василия Петровича Верещагина — Александр Петрович Верещагин¹. В начале 1850-х гг., в бытность свою учителем Онежского уездного училища, он записал в г. Онеге несколько эпических текстов от крестьянина с. Нименга

¹ См. о нем: Русские фольклористы. Библиографический словарь XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб., 2016. Т. 1. С. 582–584.

(Нименьга) Онежского уезда Архангельской губернии. Бóльшая часть этих текстов была опубликована в 1854 и 1855 гг. в «Прибавлениях к Известиям Императорской Академии Наук»,² а в 1861 г. перепечатана П. В. Киреевским³. Ссылаясь на последнее издание, А. В. Марков во вступительной статье к своему собранию беломорских былин, напечатанному в 1901 г., упоминал, хотя и вскользь, в том числе и о записях А. П. Верещагина: «В Онеге и ее окрестностях в 50-х годах записывали былины Верещагин и священник Ивановский»⁴. Но впоследствии этот факт «выпал» из истории собирательской работы на берегах Белого моря. Вплоть до последнего времени стало казаться неоспоримым утверждение: «В самом начале XX века в Поморье были обнаружены былины. Известно, что это открытие принадлежит крупнейшему собирателю эпической поэзии А. Д. Григорьеву»⁵.

Местонахождение оригиналов записей А. П. Верещагина остается неизвестным. Вероятнее всего, они до наших дней не сохранились. Возможно, не считал нужным их хранить и сам собиратель.

На настоящий момент нам известны две беловые рукописи А. П. Верещагина, хранящиеся в разных архивах — в архиве Русского географического общества (далее — РГО)⁶ и Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук (далее — СПФ АРАН)⁷.

² Памятники и образцы народного языка и словесности: Прибавления к Изв. Имп. Акад. наук по отд-нию рус. яз. и словесности. СПб., 1854. Тетр. 3. Стб. 273–280, 309–318; СПб., 1855. Тетр. 4. Стб. 353–382, 393–396. (Далее: «Прибавления...», тетр. 3 и тетр. 4).

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860. Вып. 1. С. 52–56, 86–89; М., 1861. Вып. 2. С. 11–14; Вып. 3. С. 41–51, 58–69; М., 1862. Вып. 4. С. 72–77.

⁴ *Марков А. В.* Беломорская традиция на Зимнем берегу Белого моря // Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием В. Ф. Миллера. М., 1901. С. 4.

⁵ Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митофанова; под ред. Н. П. Колпаковой. Л., 1971. С. 3.

⁶ РГО, р. 1, оп. 1, № 103, л. 1–25 об.

⁷ СПФ АРАН, ф. 216, оп. 8, № 208, л. 1–30 об. Последним в рукописи следует духовный стих «Егорий и Змей» («Про змею в Рахлейском царстве»), конец которого занимает почти весь лист 30 об. В этом тексте проставлены номера сносок, но сами сноски отсутствуют. Вполне возможно, что дальнейшая часть рукописи, где, в частности, они были зафиксированы (и только ли они?), оказалась утраченной.

В том и другом случае записи сделаны каллиграфическим почерком пером на больших листах. Схожесть почерка, однотипность примечаний к текстам свидетельствуют о том, что обе рукописи принадлежат одному и тому же лицу. Одна из них была послана в Императорское Русское Географическое Общество со следующим сопроводительным письмом, приводимым здесь полностью:

«В Императорское Русское Географическое Общество.

Вполне сочувствуя благой цели Русского Географического Общества, я занимаюсь собранием областных слов жителей города Онеги, их поверий, обычаев, пословиц и проч. Между прочим, мне удалось собрать и несколько былин, или, как называют их здесь, побывальщин — о богатырях древней Руси.

Былины, при сем представленные на благорассмотрение Географического Общества, записаны мною с совершенной точностию со слов крестьянина Нименгской деревни Онежского уезда Ивана Пахомова — старика, который, обладая редкою памятью при незнании грамоты, в молодости заучил эти былины от таких же стариков, коренных жителей Онежского и Кемского уездов.

В предложенных былинах я старался, хотя не во всех мелочах, удерживать правописание, свойственное местному произношению. Слова провинциальные объяснены в примечаниях.

Кроме того, к былинам приложены напевы, считаю, при сем, нужным заметить, что былины про Владимировых богатырей, про Дуная Ивановича и Настасью, жену его и про казнь Федора Царева, — имеют один и тот же напев. Напев последней песни, про Анику Воина, впоследствии будет приложен к другим подобным песням, которые поются каликами.

Принося посильную лепту в пользу науки, смею надеяться, что Общество не лишит меня счастья доставлять в оное и другие продолжаемые теперь мною труды.

Учитель Онежского Уездного училища

Александр Верещагин.

Онега

13 декабря 1853 года»⁸.

Как показывает сопоставление представленных в этой рукописи текстов с последующими публикациями, именно по ней (содержащей, кстати, издательские пометы) печатались записи А. П. Верещагина в 1854 г. в «Прибавлениях к Известиям Императорской Академии Наук» (т. е. в Тетради 3). Здесь были опубликованы 2 текста из 5.

⁸ РГО, р. 1, оп. 1, № 103, л. 1–1 об.

Другая рукопись собирателя, хранящаяся в Фонде И. И. Срезневского в СПФ АРАН, содержит только тексты (без сопроводительного письма), часть которых окажется опубликованной в 1855 г. в «Прибавлениях к Известиям Императорской Академии Наук» (т. е. в Тетради 4)⁹. Причем эта публикация, включающая 7 текстов из 11, озаглавлена, как и в рукописи: «Былины или побывальщины, называемые также “старинами”». Обращает на себя внимание и тот факт, что никаких отсылок к предыдущей публикации записей А. П. Верещагина в Тетради 4 «Прибавлений...» не содержится. Таким образом, создается ощущение, что подготовкой текстов собирателя в первом и во втором случае занимались разные люди, не знавшие о существовании не одной, а двух рукописей А. П. Верещагина.

Материалы, представленные в них, сходны (за некоторым исключением) и в жанровом отношении (былины, духовные стихи, исторические песни), и по сюжетному составу.

В первую рукопись включены 3 былины: «Про Алешу Поповича, князя Добрыню и жену его» [«Добрыня и Алёша»]¹⁰, «Про Владимировых богатырей, Данилу Игнатьевича и сына его Михайлу» [«Михаил Данилович»], «Про Дуная Ивановича и *Настасью, жену его*» [контаминация сюжетов: «Дунай и Настасья-королевишна» и «Дунай Иванович-сват»]; духовный стих «Про Анику-воина» и историческая песня «Про казнь Федора Царевича» [«Иван Грозный и сын»].

В состав второй, более «полной» рукописи, входят 6 былин: «Про Олешу Поповича, князя Добрыню и жену его» [«Добрыня и Алёша»], «Про Владимировых богатырей, Данилу Игнатьевича и сына его Михайла» [«Михаил Данилович»], «Про Дуная Ивановича и *жену его Настасью*» [контаминация сюжетов: «Дунай и Настасья-королевишна» и «Дунай Иванович-сват»], «Про Илью Муромца и его сына» [«Илья Муромец и Сокольник»], «Про Илью Муромца» [«Три поездки Ильи Муромца»], «Подвиги Хотёна» [«Хотен Блудович»]; 3 духовных стиха: «Про Егорья Храброго», «Про змею в Рахлейском царстве» [«Егорий и Змей»], «Явление Пятницы убогому пустыннонику» [«Пятница и Трудник»]; баллада «О том, как один молодой князь убил свою жену» [«Князь, княгиня и старицы»]; историческая песня «Про Грозного Царя Ивана Васильевича, сына его Федора и шурина Микиту Романовича» [«Иван Грозный и сын»].

⁹ В издание П. В. Киреевского выборочно включены образцы из Тетр. 3 и Тетр. 4 «Прибавлений к Изв. Имп. Акад. Наук».

¹⁰ В квадратных скобках нами указаны традиционные названия сюжетов.

Как видим, не только по сюжету, но и по заглавию три былины в двух разных рукописях А. П. Верещагина идентичны, за исключением незначительной перестановки слов и различия в двух буквах, что отмечено курсивом. Казалось бы, сам собой напрашивается вывод: мы имеем дело с копиями одних и тех же текстов, посланных среди других материалов в разные, быть может, организации (РГО и, возможно, непосредственно И. И. Срезневскому в Академию Наук) с надеждой на публикацию в каком-либо из академических изданий. Но из этого следует, что одни и те же былины (две из трех)¹¹ на правах оригинальных были опубликованы в «Прибавлениях к Известиям Императорской Академии Наук» дважды. Такое встречалось и встречается в издательской практике, хотя выявлены на сегодняшний день далеко не все случаи «скрытой» перепечатки текстов. К примеру, всего лишь 8 записей, сделанных в начале 1850-х гг. Н. К. Отто, в тот период — учителем Новгородской гимназии, оказались представленными в сборниках второй половины IX—начала XX в. 20 текстами «оригиналами»¹².

Определить, имеем ли мы дело с копиями или вариантами, принципиально важно еще и потому, что записи А. П. Верещагина будут опубликованы в очередном (10-м) томе былинной серии Свода русского фольклора, работу над которым осуществляет в настоящее время Отдел русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. В «Былины Западного Поморья» войдет либо 9 текстов (на правах самостоятельных вариантов), либо всего 6. В последнем случае в корпус тома окажутся включенными тексты «Про Алешу Поповича, князя Добрыню и жену его», «Про Владимировых богатырей, Данилу Игнатьевича и сына его Михайлу», «Про Дуная Ивановича и жену его Настасью», подготовленные по одной из рукописей А. П. Верещагина. Разночтения с другой рукописью будут приведены в примечаниях, поскольку полевая запись (т. е. исходный вариант беловых копий) отсутствует.

Построчное сопоставление записей названных былин выявляет и чрезвычайную текстуальную их близость, и наличие множества мелких разночтений — прежде всего, на уровне фонетики. В качестве примеров приведем лишь первые несколько строк каждого из текстов (разночтения выделены жирным шрифтом):

¹¹ Текст «Про Алешу Поповича, князя Добрыню и жену его» из рукописи РГО не вошел в публикации.

¹² См. об этом подробнее: *Петрова Л. И.* Духовные стихи в классических собраниях второй половины XIX в. (вариант или искажение) // Русская литература. 2014. № 1. С. 51–64.

РГО

СПФ АРАН

<Добрыня и Алёша>

А не туча да **во чистом поле** тучится,
 Не темень-**то**, да не темень темнится:
 Выбегало, братцы, зверей стадо.
 Во́ том ли стади — лёв ли зверь:
 Ише шерс[т]ь у льва дак золочёная,
 А усы у льва — да как **щики́** стоят.
 Крычал лёв-зверь да по-звериному..»;

А не туця-**то**, да **не туця** туцитсе,
 Не теменьё, да не темень темнитсе:
 Выбегало, братцы, зверей стадо.
 Во́ том ли стади — лёв ли зверь:
 А шерсь у льва дак золочёная,
 А усы у льва — да как **шшики** стоят.
 Крыцял лев-зверь по-звериному...

<Михайло Данилович>

Как во славном-**то** во городи во Киеви
 У ласкова князя у Владимира
 Заводилось пировань**ице**-почёстен пир.
 А и все на пиру да напивались,
 А и все на **чес[т]ном** да **приедались**,
Да и все на **чес[т]ном вить**
 приросхвастались:
 А иной **же**-то хвастал широким
 двором...;

Во славном во городи во Киеви
 У ласкова **кнезя** у Владимира
 Заводилось пировань**чё**-поцёстён пир.
 А и вси на пиру-**ту** напивались,
 А и вси на **цёсном** да **наедалисе**,
Вить и вси на **цёсном** да
 приросхвастались:
 Иной-**от**-то хвастал широким
 двором...

<Дунай и Настасья-королевишна + Дунай Иванович-сват>

Ай был-жил Дунай да сын Ивановичь,
 Гулял-**гулял** Дунай да **с** земли в землю.
И загулял Дунай да к королю в Литву,
 А к тому ли королю да Ляховинскому.
 Три́ годы у короля **Дунай** конюхал,
 Да три́ годы у короля он стольничал...

А был-жил Дунай да сын Ивановичь,
 Гулял Дунай да **из** земли в землю.
Гулял-гулял Дунай из земли в землю,
 Загулял Дунай да к королю в Литву,
 А к тому ли королю да Ляхови́нскому.
 Три́ годы у короля **он** конюхал,
 Да три́ годы у короля он стольни**цял**...

Хотя на стремление «удерживать правописание, свойственное местному произношению», А. П. Верещагин указывает в письме, посланном вместе с рукописью в РГО, последовательно наблюдается это в его записях, оказавшихся в СПФ АРАН. Записи, хранящиеся в РГО, отражают как раз литературные нормы произношения. В них не отмечено цоканье, тогда как в текстах СПФ АРАН оно зафиксировано последовательно. Типичными оказываются разночтения в написании одних и тех же слов и фраз: «Перстнями

обручаться золоченыма» — «Перстнеми обруцеться золоцёныма», «Начали во все гудки молчати» — «Нацяли во вси гудки молцети», «двенадцать» — «двенадцеть», «женой» — «жоной», «Акулинуша» — «Окулинуша», «князя» — «кнезя», «меня» — «миня» и т. д. Такого рода разночтения встречаются едва ли не в каждой строке.

Можно даже предположить, что правка была произведена самим собирателем при повторном копировании материала для издательства. Но можно предположить и другое: А. П. Верещагин более точно фиксировал сам текст, стремясь к фонетической записи, — при повторном исполнении былины. Последнее кажется нам более вероятным, хотя, разумеется, трудно поверить, что учитель Онежского Уездного училища, в коей должности, напомним, состоял тогда А. П. Верещагин, записывал от одного и того же исполнителя одни и те же былины дважды. Этого не делал практически ни один из собирателей XIX–начала XX столетия. И причина не только в том, что такое показалось бы слишком «расточительным», к примеру, А. Д. Григорьеву или А. В. Маркову. Само представление о варианте не было однозначным. Показательно в этом отношении негативное заключение о собранных А. П. Верещагиным материалах, данное в свое время П. С. Ефименко. Оно основывалось на том, что сообщенные «былины уже обнародованы с многочисленными вариантами в сборниках Кириши Данилова (Древние русские стихотворения), Бессонова (Калеки переходящие), Варенцова (Сборник русских духовных стихов), Рыбникова (Народные былины, старины и побывальщины) и многих других, а потому печатание их во второй раз <...> было бы бесполезно»¹³.

Обращаясь к двум перебеленным рукописям А. П. Верещагина, мы исключаем возможность намеренной правки текстов собирателем с целью, к примеру, увеличить количество записанных материалов. Их и так было достаточно, учитывая к тому же, что фиксировался эпический репертуар только одного человека. Что же касается неточного копирования оригинала, то оно вполне вероятно, но в тех случаях, когда переписчиком является кто-то другой, а не сам автор записей.

Другое дело — публикация. Здесь разночтения с оригиналом могут быть вызваны и опечатками, и соображениями другого

¹³ Постановления Архангельского губернского статистического комитета, 12 октября 1863 года // Архангельские губернские ведомости. 1863. 16 ноября, № 46. С. 399. Речь шла о материалах, присланных для публикации в «Памятной книжке Архангельской губернии» на 1864 год, издаваемой от Статистического Комитета.

порядка. Не составляют исключение и публикации материалов А. П. Верещагина. Незначительных разночтений обнаруживается не так много, но большинство из них обнажает издательскую тенденцию к приведению записей к литературной норме: вместо прописанных в текстах (ркп. СПФ АРАН) «розговаривал», «розбойники» и т. п. — в Тетради 4 «Прибавлений...» печатается «разговаривал», «разбойники» и т. п.; вместо «садилсе», «становилсе» и т. п. — «садился», «становился»; вместо «к церкви» — «к церквы», «жону» — «жену» и т. д. Имеются и весьма существенные пропуски рукописного текста, которые нельзя объяснить простой случайностью, поскольку они отмечены в издании многоточием:

«”Охвоци вы, цари, за бабьим гузном спать!”

А и то царям не показалосе.

Хотят старá да притеснити тут.

Одного как он пехнет-вальнет —

Дак петь да семь мёртвых лёжит».

«Изъятие» этих строк из былины «Про Илью Муромца» при ее публикации трудно объяснить чем-либо другим, кроме цензуры — скорее не политического, а нравственно-этического характера. По тем же причинам, вероятно, в тексте «Про Дуная Ивановича и жену его Настасью» в Тетради 4 «Прибавлений...» многоточием заменено одно лишь слово «чрево», показавшееся, наверное, публикаторам неблагозвучным: «Нé жаль мне-ка свету белого, / а жалко мне младеня...» (в ркп. СПФ АРАН «младеня во цéреви»). В Тетради 3 «Прибавлений...» это слово было напечатано. Но и в той и в другой публикации оказался опущенным целый кусок текста с поэтичным описанием чудесного облика младенца, убитого Дунаем в утробе матери, что ослабило драматизм повествования и упростило мотивировку самоубийства Дуная:

«Порол он цéрево Настасьино

И смотрял младеня во цéреви:

По локóту у младеня руки в сéребри,

По колен у младеня ноги в золоти,

По косичам у младеня цясты́ звезды»¹⁴.

Но вернемся к вопросу о том, что представляют собой две беловые рукописи собирателя: копии одних и тех же полевых записей или в них отражены разные акты исполнения былин?

Наиболее очевидным становится ответ при сличении текстов «Про Дуная Ивановича». Показателен уже тот факт, что в руко-

¹⁴ Текст цитируется по рукописи СПФ АРАН (ф. 216, оп. 8, № 208, л. 26) и буквально не совпадает с текстом рукописи, хранящейся в РГО.

писи РГО эта былина (далее: № 1)¹⁵ состоит из 299 строк, а в рукописи СПФ АРАН (далее: № 2)¹⁶ — из 322. Причем случаи, когда один стих «удваивается» за счет повтора или незначительной «вставки» отдельных слов (№ 1: «Положили ей злачен перстень на буйнѹ главу» — № 2: «Положил ей Дунай-от злацѣн перстень, / Положил перстень Настасьи на буйнѹ главѹ»), единичны и никак не влияют на такое существенное несоответствие в количестве строк. Не вызвано последнее и простым сокращением текста № 1 за счет пропуска ряда стихов текста № 2. Такого рода «пропуски» характерны для каждой из двух записей былины о Дунае, хотя в той, что хранится в РГО, их больше, и они существеннее. Приведем лишь один пример.

Отступая от традиции (вероятно, по ассоциации с былинной о Васке-пьянице, не отмеченной однако в репертуаре сказителя), Иван Пахомов «помещает» в своих текстах Дуная не в погреб, а в кабак, откуда и пытаются вызволить потенциального свата на княжеский пир. Отсюда и совершенно иная причина, по которой тот сразу не соглашается явиться к Владимиру: «Сидит вить там Дунай да в рогозочки — К тебе не в чем притти ему да на почестен пир» (№ 1). Во втором тексте дано более подробное, чрезвычайно выразительное описание, которое едва ли можно было опустить при простом копировании оригинала:

«Сидит Дунай да в рогозоцьки.

Пропил он шляпу Грецьську,

Да пропил он с собя сопожки софьяные,

Ише пропил он с собя все платьє четное —

К тебе нѣ во цѣм придти да на поцестѣн пир».

Весьма существенными оказываются в текстах и разночтения на уровне отдельных строк и единичных слов: «И крычала же она да гласом **зычным**» (№ 1) — «И крычит Настасья гласом **громкием**» (№ 2); «Кабы я сидел да на **белых** грудях» (№ 1) — «Кабы я сидѣл да на **цѣрных** грудях» (№ 2) и т.д.

И еще одна совершенно необычная деталь, которая не может не привлечь внимания и которая не встречается ни в одной былинной о Дунае. Если в тексте № 2 на Дуная как на единственно возможного свата для князя Владимира указывает Алѣша (что более-менее укладывается в традицию¹⁷), то в тексте № 1 — Малиута Воскурлатов сын. О случайной опiske или «придумке» собирателя

¹⁵ РГО, р. I, оп. 1, № 103, л. 12–19.

¹⁶ СПФ АРАН, ф. 216, оп. 8, ед. хр. 208, л. 21–26 об.

¹⁷ Обычно эта роль отведена Добрыне, в редких случаях — безымянному «доброму молодцу».

речь идти не может. В рукописи А. П. Верещагина дано пояснение: «Упоминаемый в этой былине «Малюта Воскурлатов сын» есть не кто иной, как Алеша Попович»¹⁸. По всей видимости, это имя появилось в былине не иначе, как по ассоциации с именем персонажа исторической песни «Про казнь Федора Царевича», которая также входила в репертуар Ивана Пахомова. В песне на сюжет «Иван Грозный и сын»¹⁹, чрезвычайно насыщенной эпическими формулами, Малюта Воскурлатов сын приступает к Ивану Грозному с предложением осуществить казнь царевича совершенно в духе былинных богатырей:

«Ой ты, Грозный царь Иван Васильевич!
Прикажи-тко мне да слово молвити
Без той ли без высылки без дальняя,
Без той ли без казани без смертняя!»²⁰

Можно предположить, что былинку о Дунае Иван Пахомов исполнял сразу вслед за названной песней, отчего и произошло невольное заимствование имени Малюта. Но в данном случае для нас важно другое: такого рода «оговорка» лишь в одном из двух текстов былины как раз свидетельствует о том, что она сказывалась дважды.

Разночтения между двумя записями былины «Михаил Данилович» менее, может быть, впечатляющи, но также весьма существенны. Если в рукописи РГО текст (далее: № 3)²¹ составляет 251 стих, то в тексте СПФ АРАН (далее: № 4)²² — 262. Но опять-таки пропуски целых строк встречаются в каждой из двух записей. К примеру, в тексте № 3 после строки «Да скоря того пошел он к своёй матери» сразу следует такая: «Да седлал, да он уздал да лошадь добрую». Зачем шел Михайло к матери — остается неясным: явно не для того, чтобы оседлать «лошадь добрую». В тексте № 4 логика повествования восстанавливается соответствующим дополнением: «Да и взял у ей благословеннѣ полноѣ / Пересчитывать силы неверных». Но и в тексте № 4 отсутствует ряд стихов, поясняющих, уточняющих сказанное. В частности:

¹⁸ РГО, р. 1, оп. 1, № 103, л. 18 об.

¹⁹ РГО, р. 1, оп. 1, № 103, л. 19 об.—23 об.

²⁰ Ср., к примеру, обращение Дуная к Владимиру: «Ай же ты, солнышко Владымер-князь! / Позволь мне слѣвцо вымолвить / Без той казни без смертняя, / Без той сабельки без вострыя...» (Российская государственная библиотека, ф. 160, п. 13, ед. хр. 16, л. 8 об.).

²¹ РГО, р. I, оп. 1, № 103, л. 5–11.

²² СПФ АРАН, ф. 216, оп. 8, ед. хр. 208, л. 13–17.

№ 4

«А видь был-то я, бацько,
во нешпастии —

Да, видно, молитвы-те твои пустынные
Последовали Спасу да с Богородичей!»

№ 3

«Был же я видь, бачко, во несчастии,
**Пересчитывал я силы видь поганья,
В глубоки погрёбы ездил — убит
не был:**

Видно, ваши-ты молитвы да пустынные
Видь последовали к Спасу
Многомилосливу!»

Среди многочисленных, сравнительно более мелких различий встречаются и весьма значимые. В частности, в тексте № 3 вместо глагола «начать» употребляется глагол «заводить»:

№ 4

«Да и **пó**цял он ослеद्यю помахивать»;
«Да и **на**цял он силы пересчитывать».

№ 3

«Да и **завел** видь он ослеद्यю помахивать»;
«**Заводил** он силы пересчитывать».

Возникновение такого рода различия также невозможно было бы объяснить простой неточностью при копировании материала.

По сравнению с записями былин о Дунае и Михаиле Даниловиче записи былины «Добрыня и Алёша» текстуально наиболее близки, если не считать разночтений на уровне фонетики. Это, на наш взгляд, объясняется относительной краткостью эпического повествования. И в белой рукописи РГО, и в белой рукописи СПФ АРАН тексты (далее соответственно: № 5²³ и № 6²⁴) включают по 116 стихов. Однако в каждой из записей «Добрыни и Алёши» обнаруживаются целые строки, отсутствующие в другой записи той же былины. Например:

№ 5

«Крычал лёв-зверь да по-звериному,
Да **рыкал он зычным гласом,
громким**»;
«"Дайте-тко мне платья калисьного!"
Оны дали ему платья калисьного»

№ 6

«Крычал лев-зверь по-звериному»;
«"Дайте-тко мне платья калисньего!"
**Скиньвал Добрыня платьё княжеско,
Надевал Добрыня платьё калисньё**»

Довольно частые перестановки слов и целых строк, синонимические «замены» типа: «И **осушал** да он тую чару дóсуха» (№ 5) — «А **выпивал** он цяру дóсуха» (№ 6) — также свидетельствуют об имевших место двух актах исполнения «Добрыни и Алёши».

²³ РГО, р. I, оп. 1, № 103, л. 2–5.

²⁴ СПФ АРАН, ф. 216, оп. 8, ед. хр. 208, л. 11–13.

Итак, сопоставление аналогичных текстов, представленных в двух перебеленных рукописях А. П. Верещагина, приводит к неожиданному, на первый взгляд, выводу: перед нами всё-таки не копии, а именно варианты былин одного сюжета. Приходится признать, что по крайней мере три былины Иван Пахомов исполнил дважды, что и нашло отражение в записях собирателя.

В заключение отметим, что в с. Нименьга побывал и А. В. Марков, но былин там не зафиксировал, как и кто-либо другой из собирателей. Так что записи А. П. Верещагина представляют в этом смысле ещё бóльшую ценность. Всего же из 16 известных на сегодняшний день эпических текстов, записанных учителем Онежского уездного училища в середине XIX в. от крестьянина Ивана Пахомова, введено в научный оборот только 10.